

ПРАГМАТИКА «МЕМОРИАЛЬНОСТИ» В РАКУРСЕ МУЗЕЙНОЙ КРИТИКИ

Козмин Вячеслав Юрьевич,

кандидат филологических наук,

хранитель музея «Пушкинская деревня»,

*Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный
музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское»,*

Россия, 181370, п.г.т. Пушкинские Горы, бульвар им. С.С. Гейченко, 1

ORCID: 0000-0002-7215-7547

bugrovo@mail.ru

Аннотация

«Руины» культурных институтов стали сегодня предметом устойчивого академического интереса. Традиционные представления о просветительской миссии музеев и принципах музейной экспонистики если и не уходят в прошлое, то кардинально и существенно переосмысливаются, активно замещаются новыми форматами. Статья ставит целью проанализировать тенденции, обозначившиеся в музейной практике в последнее десятилетие. Одной из них является актуализация принципов музейной критики как развивающейся междисциплинарной сферы. Преодоление разрыва между музейной теорией и практикой в дискуссионном плане рассматривалось и обсуждалось многократно. В третьем номере журнала «Идеи и идеалы» за 2021 год опубликованы тексты, обращающие внимание общностью подходов и объединенные общей рубрикой «Музей в современной культуре». Нельзя не согласиться с мнением авторов, что музейная критика, наряду с критикой художественной, литературной, музыкальной (как, наконец, ресторанной или спортивной), предопределяет различные культурные приоритеты и, шире, предельно проблематизирует сферу вкуса и массовых предпочтений. В этом плане потребность в критически обоснованной практике закономерно принимает прагматический аспект. На этой основе формулируется новое представление о возможностях участия профессионального музейщика и современного посетителя. Постулирование значимости «критического подхода» в профессиональном самоопределении музея представляется принципиально важным. Именно внутренняя критика в качестве необходимого корректирующего фактора позволяет поддерживать академический статус музееведения как самостоятельной сферы научной деятельности.

Ключевые слова: музейная критика, коммеморация, культурная политика, поэтический локус, профессиональная этика.

Библиографическое описание для цитирования:

Козмин В.Ю. Прагматика «мемориальности» в ракурсе музейной критики // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 3, ч. 2. – С. 313–324. – DOI: 10.17212/2075-0862-14.3.2-313-324.

Экспозиционная практика современного музея, как и активная выставочная деятельность, неизбежно оказывается включенной в систему многочисленных перекрестных оценок. Степень их условной «объективности» нередко может конкурировать со значимостью профессиональных экспертных подходов.

Современный этап музейной работы можно определить как затянувшийся период ценностного самоопределения. С точки зрения понимания музея как «выразителя определенных массовых тенденций» [8, с. 389] нельзя не согласиться с мыслью, что сегодня «музеи переживают либо длительный кризис, либо “золотой век”...» [16, с. 426]. В попытке теоретического осмысления этой непростой дилеммы можно видеть главную ценность рассматриваемых текстов, опубликованных под общей рубрикой «Музей в современной культуре» в номере 3 журнала «Идеи и идеалы» за 2021 год [3, 8, 16].

В массовом сознании современный музей нередко, а иногда по преимуществу воспринимается в качестве пространства «культурно-усредненной» релаксации. Принципиальным остается ответ на вопрос: в чем сегодня заключается миссия музея, и должен ли он ориентироваться на посетителя с «несформированным запросом»? Логично предполагать, что такой музей может «учить» лишь культурному безразличию. По существу, это проблема совсем не новая: еще в начале 1970-х это «констатировал» Владимир Высоцкий:

*В музее будут объегоривать народ,
Хотя народу это, в общем, всё равно...*

Проблема под названием «музей» сохраняется: есть успешный или не совсем опыт решения актуальных экспозиционных задач, есть масса противоположных мнений и взаимоисключающих подходов [1]. Как точно характеризуют сложившуюся ситуацию Д.Ю. Игнатъев и А.А. Никифорова, «многочисленные работы, посвященные теме кризиса музейной институции, на первый взгляд кажутся не вполне убедительными на фоне той популярности, которой пользуются музеи в туристической и досуговой сфере современной культуры» [3, с. 411]. Открытым для обсуждения остается вопрос, каким образом определяется сегодня «золотая середина» в теории и практике музейной медиации? При этом «было бы наивно полагать, будто общественное благодушие по отношению к музею обусловлено *действительной потребностью* в актуальной культурной жизни» [3, с. 412].

Пожалуй, наиболее неопределенными оказываются взаимоотношения между «общественным мнением» и музеем мемориальным, представляющим особую сферу экспонистики и научного творчества. Такой музей не может рассчитывать на художественные впечатления посетителя. Его ценностными установками выступают принципиально иные задачи – угадывание в материальном наследии смысловой грани различения пространств профанного и сакрального [9]. «Помещение любого предмета натуральной или культурной истории в музейное пространство лишает его возможности явить через себя непосредственную трагичность существования. <...> Жалкие вещи “маленького человека”, не свидетельствующие об убожестве его жизни; предметы роскоши, не унижающие зрителя своей недоступностью, – всё создает пространство эстетического события, в котором жизнь являет себя как игру, где исчезает ужас поражения перед действительностью» [3, с. 415].

Абсолютизация понятия «вещесловие» в контексте мемориальной экспозиции абсолютно правомерна. Это одно из условий уточнения традиционных коммеморативных практик. «Музейное хозяйство. Энциклопедия имен и дат...», – напоминал Илья Сельвинский. Что можно противопоставить предметному «каталогу» музея, атрибутируемому и оцениваемому в качестве самостоятельного прозаического произведения? Как отмечал В. Шкловский, «для того чтобы изобразить или описать, недостаточно увидеть, нужно еще выработать способ видения...» [14, с. 229].

Прежде всего это «определенная память», особая оптика восприятия мемориального предмета:

*Раз вещь являет след людских страстей –
Мы чтим ее и, с книгою равняя,
От времени ревниво охраняя,
По вещи учим опыту детей...*

(Дм. Кедрин. 1928)

Мир повседневных объектов, аналитически представленный в аспекте «вещесловия», подкупает очевидной художественностью, что прекрасно иллюстрируют роман Орхана Памука «Невинность предметов» [18] или «Ящик для письменных принадлежностей» Милорада Павича [13]. Предметный ряд формирует самостоятельный «поэтический локус», что выступает важной характеристикой каждого музея, не только литературного. Актуальной представляется сама *идея мемориальности*, подчиняющая себе «разнообразие наружных форм».

Соглашаясь с Марией де Лурдес Хорта, Петер ван Менш предметом музеологии считает сам «процесс культурной меморизации» [10, с. 115]. Об этом, в частности, в работе «О духовном в искусстве» (1911) писал В. Кандинский: «Всякий предмет – безразлично, был бы он создан непо-

средственно «природой» или возник с помощью человеческой руки, – является существом с собственной жизнью и неизбежно вытекающим отсюда воздействием. Человек непрерывно подвержен этому психическому воздействию» [4, с. 75]. Именно в этом можно видеть основание музейного диалога, предопределяющего «эффект присутствия», с учетом ценностной позиции посетителя как «заказчика» и его эстетической, познавательной, досугово-развлекательной или релаксационной мотивации.

Несмотря на объективные параметры, характеризующие понятие «мемориальный музей», складывается впечатление, что приоритеты в диалоге «музей – посетитель» сейчас расставляет именно посетитель.

Хорошо, если в мемориальном пространстве сохранились конкретные приметы, вызывающие непосредственный живой интерес к прошлому: личные вещи, подлинные интерьеры, дом, в котором жил герой. В Псковской области подобный музей есть в деревне Лог. Нетронутость без домысливаний, конечно же, привлекает. Однако М.В. Ямпщикова (Ал. Алтаев) – писатель второго ряда. Соответственно, и вещи не вызывают священного трепета. Для того чтобы он возник, надо ни много ни мало в течение экскурсии неизмеримо поднять статус жильца и, может быть, после этого еще раз предложить пройти по комнатам. Впрочем, предметная правда, если таковая сохранилась, является константой, и здесь даже спорить не о чем. Чем больше мелочей, тем лучше.

Другое дело дом Пушкина в Михайловском. Согласно советской классификации мемориальных музеев, он находится в последней группе: дом – не тот, мебель и обиходные предметы, как-то связанные с поэтом или его окружением, – единичны. Однако, как точно отмечает Л.Н. Летягин, «отсутствие в музейном пространстве подлинных вещей может быть компенсировано точностью типологии – композиционным соответствием жизненным сценариям, когда “вещность” выступает как свидетельство непреходящего, раскрывается как естественные и характеризующие эпоху “способы бытия-существования вещей”...» [8, с. 394]. Благодаря точности предметного ряда в музейном пространстве актуализируются поведенческие сценарии, восстанавливается и воспроизводится фон бытовой повседневности [7], определяется «функциональная идентичность артефактов» (П. ван Менш). В этом – ключевой принцип раскрытия «экзистенциальной оптики пространства».

«Как и люди, мемориальные музеи не могут быть похожи друг на друга» [8, с. 400]. Это по существу и предопределяет ценностные ориентиры экспозиции дома поэта в Михайловском – точки пространственного сопряжения всех наиболее знаковых мест заповедника. Но это делает показательно сложным понимание системы языков других отдельно рассматриваемых поэтических локусов: господского дома и парков в Тригорском, усадьбы в Петровском, мельницы, жилых и хозяйственных построек в де-

ревне Бугрово. Каждый из этих музейных объектов являет собою особый образный «язык пространства, сжатого до точки» (О. Манделштам).

Единственный *очевидный* параметр мемориальности в заповеднике – сохранность исторического места. В 1920-х годах были предложения поставить на пепелище не дом, а беседку-павильон, откуда можно было бы созерцать воспетые Пушкиным окрестности. С точки зрения «научной чистоты» такое решение в прошлом было бы самым верным. Однако привычка к «предметности» и тенденции просветкульта обусловили создание на этом месте очередного дома-музея. Теперь, когда весь просветкульт есть в Интернете, может быть, стоит вернуться к концепции, в которой новодельные мелочи быта не отвлекают от вечно мемориальных неба и лесов?

Безытность Пушкина (термин, предложенный В. Бутриной) не должна ли реализовываться и в музейном конструировании? Гостиная в доме поэта (так называемое «зальце»), трактуемая и оформленная в точном соответствии с цитатой из «Евгения Онегина» («В гостиной штофные обои...»), создает соответствующий благодушный зрительный образ. В то же время стихотворение Н. Языкова (1830) сохраняет иное, но самое непосредственное свидетельство о деревенской жизни ссыльного поэта:

*Вон там – обоями худыми
Где-где прикрытая стена,
Пол нечищенный, два окна
И дверь стеклянная меж ними;
Диван под образом в углу
Да пара стульев...*

Принятая «просветительская» методика предполагала не только развернутый литературно-центрированный формат, но и замалчивание очевидных противоречий на уровне быта. Подобных примеров можно привести множество. В чем-то это было вынужденной мерой, естественным следствием недостатка знаний об исторической фактографии. Незнание породило условность, условность – художественный вымысел, что в результате «выпочковалось» в развернутую программу мифотворчества.

По моему мнению, мемориальная экспозиция всегда должна тянуться не только к литературному тексту, но и к повседневной бытовой правде, что возможно на основе новых источников и по мере накопления биографических данных. Точная реконструкция дома поэта и усадебных флигелей способна «уплотнить» массив сведений о жизни поэта в Михайловском, сохраняя «изумляющее чувство полноты и тайны» [5, с. 9].

Для Михайловского подобные перемены абсолютно необходимы. Тем более что есть пример грамотной научной реконструкции дома крестьянина в музее «Пушкинская деревня», где интерьер и вещи со временем ста-

ли индуцировать новые смыслы, о которых в «чистом поле» никто не задумывался. Приоткрылась «бытовая» логика вхождения героини «Сказки о мертвой царевне» в дом братьев-охотников: печка, которую она затопила, на «эти» полати забралась; «долгая» женская лавка при двух оконцах идентифицировалась как место, где сидели «Три девицы под окном», и т. д.

Современные виртуальные экспозиции существенно девальвируют *фетиш* под названием «мемориальность». Однако это принципиально не изменяет сложившуюся практику, когда туристы по-прежнему зачем-то едут в музей: кто-то, чтобы поставить галочку в биографии в виде сэлфи; другие – потому что заложенный системой образования в детстве и юности «пакет знаний» подсказывает направление того или иного маршрута [2]. Кто-то ждет от музея отдохновения от города, и в этом случае мемориальные и не очень аллеи оказываются интереснее интерьеров. Другие едут, чтобы сопоставить на месте свой жизненный опыт с биографией автора или литературного героя. В этом случае возникает (или не возникает) эффект внутренней борьбы или игры, как показательно точно высказался в одной из своих книг о Пушкинском заповеднике В. Курбатов [5]. К сожалению, «интеллектуальная игра» нередко и повсеместно замещается поверхностным аниматорством, навязчивым интерактивом и спецэффектами без понимания того, сохраняется ли при этом представление о том, «как надо вести себя в мемориальных усадьбах» [5, с. 101].

Ландшафты Пушкиногорья – нечто большее, чем «визуальный путеводитель», когда потаенные смыслы способны бесконечно раскрываться в структуре «описания неочевидного»:

*...Ночью звездною, на мельничной плотине,
В сем царстве свай, колес, и плесени, и мхов...*

(А. Майков, 1855)

«Дислокации воображаемого» в популярной культуре и массовом сознании выступают определяющим фактором идентичности исторического региона [17]. Петер и Леонтина ван Менш пишут о «ренессансе места» в гуманитарных и социальных науках [11, с. 90]. Таковы «места воображения» (Стийн Рейндерс) [19] и «места памяти» (Пьер Нора), напряженность памяти «интенсивных мест» (М. Куртов) [6] или особая «мнемософия» пространства (Г. Шола) [15]. Как отмечал Оскар Наварро, «музеология – это научная дисциплина, изучающая определенные отношения между человеком и окружающей его реальностью» [12, с. 3].

Музей в качестве живой «инфраструктуры» исторической памяти не допускает независимости экспозиции от системы этических ценностей. «Для нас профессионализм опирается на три столпа: практику, теорию и этику. Исчезни один – и наши профессиональные структуры развалятся на

части»¹, – императивно утверждают Леонтина и Петер ван. Менш [11, с. 9]. В этом заключен главный смысл. Это и предопределяет целевые установки – целенаправленность музейной коммуникации. Хочется надеяться, что «современный музей [действительно] аккумулировал в себе те универсальные силы цивилизации, которые обеспечивают возможность обращения с культурными феноменами, обладающими способностью вызывать беспокойство и лишать человека состояния экзистенциального комфорта» [3, с. 414].

Тенденция, ориентированная на включение современного музея в досуговую сферу, представляется малоэффективной с учетом перспективного и потенциального значимого изменения образа посетителя. Именно на это должно быть ориентировано изменение форматов музейной коммуникации, обновление принципов «экспозиционного языка», понимаемого как открытая система и развивающегося от субъективности к интерсубъективности.

В программах взаимодействия с современным посетителем недостаточно ограничиваться «охранительным» подходом, который констатирует, что современный «музей ни в коем случае не забава и только внешне – средство организации досуга» [16, с. 427]. Как точно развивает эту мысль Т.В. Шоломова, в этом заключается ключевой вопрос институционального «самоопределения» музея: каким образом «совместить мысли о безвозвратной гибели музея с попытками оптимистической оценки его нынешнего состояния» [16, с. 428]. В качестве культурного института, насчитывающего многотысячелетнюю историю, он, несомненно, остается наиболее ценной частью топографии современного публичного пространства.

«Мы давно повадились говорить об энергетике, биополях и об ауре святых мест. Это стало модой и несчастьем, – писал Валентин Курбатов. – Люди с осторожными глазами, оглянувшись, не видит ли кто, привороживают сегодня эту энергетику в Тарханах, Спасском, в Ясной и, конечно, в Михайловском. Из Михайловского ее вывозят беспощадно с особенным размахом, потому что здесь ее запасы неисчерпаемы...» [5, с. 97].

Мысль о музее как пространстве, сохраняющем свою образную структуру, и при этом пространстве *образовательном*, в полной мере легализует представление о его культурном предназначении. Школьные группы, казалось бы, должны были стать самой многочисленной аудиторией в заповеднике, ведь здесь можно увидеть то и прикоснуться к тому, что изучается на уроках в рамках программы. Более того, именно здесь предметно расширяются рамки возможного с привязанностью к месту литературного текста. Но, к сожалению, запреты, ограничения и отсутствие четкой программы взаимодействия Минкульта и Минобра минимизируют такие возможности.

¹ [Для нас профессионализм зиждется на трех столпах: практике, теории и этике. Без одного из них наши профессиональные структуры рухнут] = «For us, professionalism rests on three pillars: practice, theory and ethics. Without one of there, our professional structures will collapse».

Тем не менее, по официальной отчетной статистике, количество посетителей музея, в частности, Пушкинского заповедника, увеличивается. По итогам 2021 года – более 400 тыс. При этом наметилась интересная тенденция: только 1–1,5 % от общего числа посетили интерактивные, просветительные или театрализованные программы; все остальные предпочли традиционные экскурсии. Значит, людей все-таки тянет в музей, в экспозицию, в главный, а не подсобный «текст». А это дополнительный повод обратиться к музейной критике в узком диапазоне: предложить оценку того, что по существу представляет современная экспозиция музея, ориентированная на самые разные возрастные и социальные группы.

Музейная критика – это не критика музея. Аудит экспозиционных проектов и культурных программ не может и не должен ограничиваться «цензурными функциями». Со ссылкой на авторитетное заявление П. Слотердайка, Л.Н. Летагин отмечает: «Развитие музееведения как *точной науки* предполагает переход от критики радикальной к критике индикативной, *advisory*, преодолевающей “известную двусмысленность понятия ‘критика’; [ибо] вначале оно означает – выносить суждения, обосновывать, рассуждать и осуждать; затем приобретает иной смысл – исследовать основания для формирования суждений”...» [8, с. 399]. Такой подход способен с благодарностью одаривать новыми обретениями, открытиями, деталями биографий выдающихся людей. Будущее мемориальных музеев состоит в постижении прошлого, воспринимаемого как наше вечное и актуальное настоящее.

Несомненно, музей был и остается важнейшим институтом сохранения наследия. Его современная миссия уточняется в ракурсе формирования «понимающего присутствия» – ценностной актуализации, преодолевающей отчуждение. В этом плане музейная критика приобретает сегодня значение важного интегрирующего фактора.

Литература

1. Антропология музея: концептосфера идей, исторического диалога и сохранения ценностных констант (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2019. – № 5. – С. 5–23. – DOI: 10.31857/S004287440005052-2.
2. Игнатъев Д.Ю. Университет и музей: эстетические аспекты // Общество. Среда. Развитие. – 2011. – № 2 (19). – С. 161–164.
3. Игнатъев Д.Ю., Никифорова А.А. Современный музей и парамузей: экзистенциальное отчуждение и актуализация // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 3, ч. 2. – С. 410–425. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.2-410-425.
4. Кандинский В.В. О духовном в искусстве / пер. А. Лисовского; предисл. Н. Кандинской. – New York: Международное литературное содружество, 1967. – 159 с.

5. Курбатов В.Я. Михайловское – пространство игры // Михайловская пушкиниана. Вып. 39. Курбатов В.Я. Александр Пушкин. Продолжение следует... – Пушкинские Горы; Псков, 2006. – С. 97–104.
6. Куртов М.А. Музеология и интенсивная география // Альманах ЦЭМ. № 1 / ред. Е. Шестова. – М.: Центр экспериментальной музеологии: V–A–C Press, 2020. – С. 9–56.
7. Летягин А.Н. «Красная нѹжда – дворянская служба»: типологические аспекты биографии помещика – пушкинского современника // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. – М.: Жираф, 2000. – Вып. 6 (22). – С. 25–35.
8. Летягин А.Н. Мемориальный музей: экзистенциальная оптика пространства // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 3, ч. 2. – С. 389–409. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.2-389-409.
9. Летягин А.Н. Топология путешествий: профанное и сакральное // Ценности и смыслы. – 2011. – № 1 (10). – С. 126–135.
10. Мениш П. ван. К методологии музеологии / пер. с англ. В.Г. Ананьева. – М.: Перспектива, 2018. – 447 с.
11. Мениш П. ван, Мениш А.М.-ван. Новые тренды в музеологии / пер. с англ. В.Г. Ананьева. – М.: Перспектива, 2021. – 128 с.
12. Наварро О. История и память в современном музее: несколько замечаний с точки зрения критической музеологии / пер. с англ. В.Г. Ананьева // Вопросы музеологии. – 2010. – № 2. – С. 3–11.
13. Павич М. Ящик для письменных принадлежностей: роман / пер. с серб. Л. Савельевой. – СПб.: Амфора, 2010. – 173 с.
14. Шкловский В.Б. Повести о прозе: размышления и разборы. В 2 т. Т. 1. – М.: Художественная литература, 1966. – 335 с.
15. Шола Т.С. Вечность здесь больше не живет: толковый словарь музейных грехов / пер. с англ. Н. Копелянской и Е. Петровой. – Тула: Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», 2013. – 357 с.
16. Шоломова Т.В. От кризиса до расцвета: современный музей в оценках специалистов // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 3, ч. 2. – С. 426–441. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.2-426-441.
17. Locating Imagination in Popular Culture: Place, Tourism and Belonging / ed. by N. van Es, S. Reijnders, L. Bolderman, and A. Waysdorf. – London: Routledge, 2021. – 319 p. – DOI: 10.4324/9781003045359.
18. Ramuk O. The Innocence of Objects / Transl. Ekin Oklap. – New York: Abrams Books, 2012. – 264 p., 526 color photographs.
19. Reijnders S. Places of the Imagination. Media, Tourism, Culture. – London: Routledge, 2011. – 161 p. – DOI: 10.4324/9781315600628.

Статья поступила в редакцию 21.02.2022.

Статья прошла рецензирование 20.03.2022.

DOI: 10.17212/2075-0862-14.3.2-313-324

PRAGMATICS OF “MEMORIALITY” THROUGH THE LENS OF MUSEUM CRITICISM

Kozmin, Vyacheslav,*Cand. of Sc. (Philology),**Curator of the “Pushkin Village Museum”,**A.S. Pushkin State Memorial Historical-Literary and Natural-Landscape**Museum-Reserve of “Mikhailovskoye” (The Pushkin Museum-Reserve),**1 S.S. Geychenko Boulevard, Pushkinskie Gory, 181370, Russian Federation*

ORCID: 0000-0002-7215-7547

bugrovo@mail.ru

Abstract

The “ruins” of cultural institutions have become the subject of sustained academic interest today. Traditional ideas about the educational mission of museums, the principles of museum exhibits are a thing of the past, are essentially rethought, replaced by new formats. The article aims to analyze the trends that have emerged in museum practice in the last decade. One of them is the actualization of the principles of museum criticism as a developing interdisciplinary field.

The gap between museum theory and practice has been considered and discussed many times. The 3rd issue of the journal “Ideas and Ideals” for 2021 published texts united in the heading “Museum in Contemporary Culture” and allowed to speak about the unity of views [3, 8, 16]. One cannot but agree with the opinion of the authors that museum criticism, along with criticism of art, literature, music (as, finally, restaurant or sports), predetermines various cultural priorities and extremely problematizes the sphere of taste preferences. In this regard, the need for critically informed practice takes on a pragmatic aspect. It is on this basis that a new idea is formulated about the possibilities of interaction between a professional museum worker and a modern visitor. The postulation of the significance of the “critical approach” in the professional self-determination of the museum is of fundamental importance. It is internal criticism as a necessary corrective factor that makes it possible to maintain the academic status of museology as an independent field of scientific activity.

Keywords: museum criticism, commemoration, cultural policy, poetic locus, professional ethics.

Bibliographic description for citation:

Kozmin V. Pragmatics of “Memoriality” through the Lens of Museum Criticism. *Idey i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 3, pt. 2, pp. 313–324. DOI: 10.17212/2075-0862-14.3.2-313-324.

References

1. Antropologiya muzeya: kontseptosfera idei, istoricheskogo dialoga i sokhraneniya tsennostnykh konstant (materialy «kruglogo stola») [Anthropology of the museum:

the conceptual sphere of ideas, historical dialogue and the preservation of value constants (round table materials)]. *Voprosy filosofii = Russian Studies in Philosophy*, 2019, no. 5, pp. 5–23. DOI: 10.31857/S004287440005052-2. (In Russian).

2. Ignatyev D.Yu. Universitet i muzei: esteticheskie aspekty [The University and the Museum: Aesthetic Aspects]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye = Society. Environment*, 2011, no. 2 (19), pp. 161–164.

3. Ignatyev D.Yu., Nikiforova A.A. Sovremennyy muzei i paramuzei: ekzistentsial'noe otchuzhdenie i aktualizatsiya [Modern Museum and Paramuseum: Existential Alienation and Actualization]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 3, pt. 2, pp. 410–425. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.2-410-425.

4. Kandinsky W.W. *O dukhovnom v iskusstve* [Concerning the Spiritual in Art = On the spiritual in art]. New York, Mezhdunarodnoe literaturnoe sodruzhestvo Publ., 1967. 159 p. (In Russian).

5. Kurbatov V.Ya. Mikhailovskoe – prostranstvo igry [Mikhailovskoe – the space of the game]. *Mikhailovskaya pushkiniana*. Vyp. 39 [Mikhailovskaya Pushkiniana. Iss. 39]. Pushkinskie Gory, Pskov, 2006, pp. 97–104. (In Russian).

6. Kurtov M.A. Muzeologiya i intensivnaya geografiya [Museology and intensive geography]. *Al'manakh TsEM*. № 1 [CEM Almanac N 1]. Moscow, Tsentr eksperimental'noi muzeologii Publ., V–A–C Press, 2020, pp. 9–56.

7. Letyagin L.N. «Krasnaya nýzhda – dvoryanskaya sluzhba»: tipologicheskie aspekty biografii pomeshchika – pushkinskogo sovremennika [Typological aspects of the biography of a landowner – a contemporary of Pushkin]. *Russkaya usad'ba. Sbornik Obshchestva izucheniya russkoi usad'by* [Russian estate. Collection of the Society for the Study of the Russian Estate]. Moscow, Zhiraf Publ., 2003, vol. 6 (22), pp. 25–35.

8. Letyagin L.N. Memorial'nyi muzei: ekzistentsial'naya optika prostranstva [Memorial Museum: Existential Optics of Space]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 3, pt. 2, pp. 389–409. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.2-389-409.

9. Letyagin L.N. Topologiya puteshestvii: profannoie i sakral'noe [Travel topology: Profane and Sacred]. *Tsennosti i smysly = Values and Meanings*, 2011, no. 1 (10), pp. 126–135. (In Russian).

10. Mensch P. van. *K metodologii muzeologii* [Towards a Methodology of Museology]. Moscow, Perspektiva Publ., 2018. 447 p. (In Russian).

11. Mensch P. van, Mensch L.M.-van. *New trends in Museology*. Celje (Slovenia), Museum of Recent History, 2011. 117 p. (Russ. ed.: Mensch P. van, Mensch L.M.-van. *Novye trendy v muzeologii*. Moscow, Perspektiva Publ., 2021. 128 p.).

12. Navarro O. *Istoriya i pamyat' v sovremennom muzee: neskol'ko zamechanii s tochki zreniya kriticheskoi muzeologii* [History and Memory in Contemporary Museum: Some Remarks from the Point of View of Critical Museology]. *Voprosy muzeologii = The Issues of Museology*, 2010, no. 2, pp. 3–11. (In Russian).

13. Павић М. *Кумуја за писање*. Београд, Дерета, 1999. 169 с. (Russ. ed.: Pavich M. *Yashchik dlya pis'mennykh prinadlezhnostei*. St. Petersburg, Amfora Publ., 2010. 173 p.).

14. Shklovskii V.B. *Povesti o proze: razmysleniya i razbory*. V 2 t. T. 1 [Novel of Prose: Reflections and Analysis. In 2 vol. Vol. 1]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1966. 335 p.
15. Šola T.S. *Eternity Does Not Live Here Any More – A Glossary of Museum Sins*. Zagreb, T.S. Šola (Self-published), 2012. 311 p. (Russ. ed.: Shola T.S. *Vechnost' zdes' bol'she ne zhitvet: tolkovyi slovar' muzeinykh grekhov*. Tula, Museum-estate of L.N. Tolstoy "Yasnaya Polyana" Publ., 2013. 356 p.).
16. Sholomova T.V. Ot krizisa do rastsveta: sovremennyi muzei v otsenkakh spetsialistov [From Crisis to Rebirth: Modern Museums as Assessed by Specialists]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 3, pt. 2, pp. 426–441. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.2-426-441.
17. Es N. van, Reijnders S., Bolderman L., Waysdorf A., eds. *Locating Imagination in Popular Culture: Place, Tourism and Belonging*. London, Routledge, 2021. 319 p. DOI: 10.4324/9781003045359.
18. Pamuk O. *The Innocence of Objects*. Transl. Ekin Oklap. New York, Abrams Books, 2012. 264 p., 526 color photographs.
19. Reijnders S. *Places of the Imagination. Media, Tourism, Culture*. London, Routledge, 2011. 161 p. DOI: 10.4324/9781315600628.

The article was received on 21.02.2022.

The article was reviewed on 20.03.2022.